

РАЙЯ ПЮЭЛИ (Йоэнсуу)

ВЫБОР ЯЗЫКА И СОЦИАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ В ДВУЯЗЫЧНОМ КАРЕЛЬСКОМ СЕЛЕ

1. Введение

Статья посвящена проблемам тех языковых меньшинств, которым угрожает полная ассимиляция. В ходе полевых исследований, проведенных в начале 1990-х годов в 11 деревнях на территории Республики Карелия (Pyöli 1996), автор убедилась, насколько важным фактором внутринационального общения были сельские связи, разрушенные советской аграрной политикой несколько десятилетий назад. Проведение в послевоенные годы политики «ликвидации неперспективных деревень» привело к исчезновению более 2300 сельских населенных пунктов с карты Карелии. По переписи населения 1989 года, карельских деревень насчитывалось 668, сегодня их осталось намного меньше (Клементьев 1994).

Чтобы изучить выбор языка как социального явления, т.е. социально-общественные связи в языковом сообществе, объектом исследования должна служить та деревня, в которой имеются материальные предпосылки для нормальной жизни, а не та, что находится на грани своего существования или выживания. Поэтому мой выбор пал на русско-карельское село Коткозеро, которое находится на магистрали Петербург—Мурманск, в 40 км от города Олонца и в 100 км от Петрозаводска, на перешейке между озерами Ладога и Онега. Коткозеро соответствует критериям нормального языкового сообщества. В этом центральном селе Коткозерской волости проживает около 1000 человек. О жизнеспособности села свидетельствует оживленная культурная жизнь: есть экспериментальная средняя школа на 300 учащихся, наблюдается возрождение церковной жизни, проявляется интерес к музыкально-фольклорному исполнению народных песен и т.д. Даже общественно-экономическая жизнь функционирует в селе, несмотря на серьезные социальные проблемы, общие для сельской местности всей России.

2. Материал и методика

Материал был собран летом 1995 и 1996 годов в селе Коткозеро. Он состоит из интервью на карельском языке — опрошено 44 карела-ливвика,

а также из интервью с несколькими русскими, украинцами и белоруса-ми. С помощью интервью сделана попытка установить формы языкового поведения (т.е. выбор языка в различных формальных и неформальных ситуациях), отношение говорящих к родному языку, его будущему и сохранению (= ревитализации). При этом фоновыми критериями служили возраст информантов и уровень их образования. Результаты проанализированы с помощью квантитативного метода.

Использованный метод анализа социально-общественных связей известен по исследованиям Лесли и Джеймса Милрой (Milroy 1980; Milroy, Milroy 1985; 1992), которые применяли его при анализе языковых проявлений в ирландском языковом сообществе. Метод основывается на принципе аккомодации, согласно которому, люди бессознательно стремятся подражать речи и языковому поведению собеседника (Giles, Smith 1979). Кроме чисто лингвистических контекстов метод, правда, реже используется при изучении языкового поведения в целом. В «карельском» контексте это первая скромная попытка выяснить языковую ситуацию таким путем. В качестве примеров аналогичных исследований следует упомянуть работы С. Гал, которая успешно применила данный метод при анализе смены языка в немецко-венгерской диаспоре в деревне Оберварт (Gal 1979). Скандинавским социолингвистам известны финско-шведские исследования М. Яаккола (Jaakkola 1973; 1984) и последний труд Я. Гельгандера о языковой ситуации в Верхних Даларна в Швеции (Helgander 1996).

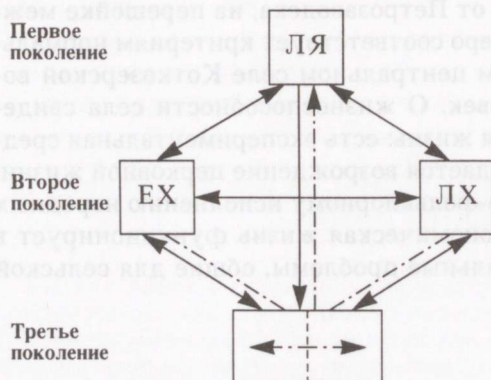
3. На каком языке говорят в Коткозере?

Употребление карельского языка проанализировано нами в пяти основных доменах (= сферах употребления языка): семья, друзья, соседи, работа, формальные ситуации, а всего подгрупп доменов насчитывается 16. Информантам был задан вопрос, пользуются ли они в данных доменах карельским, русским или тем и другим языками.

Результат анализа показал, что общее положительное отношение к родному языку у 45% коткозерских карел-ливвиков не совпадает с реальным его употреблением: пропасть между теорией и практикой особенно глубока при общении между собой представителей разных поколений.

Результаты этого анализа совпадают и с результатами анализа социально-общественных связей.

Во многих семьях можно было наблюдать языковое поведение более индивидуально и конкретно, по поколениям. Факты, сообщенные самими ливвиками, рассматривались и вертикально (на каком языке говорят с родителями, детьми и внуками), и горизонтально (представители одного поколения между собой). Типичная ситуация в карельской семье сегодня такова (см. модель 1):

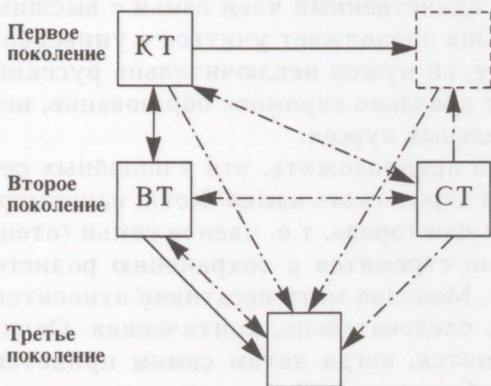
Модель 1. Выбор языка (карельского или русского) в семье А (— = по-карельски; - - - - = по-русски).

Представитель первого поколения (ЛЯ) говорит с дочерью (ЕХ) и зятем (ЛХ) по-карельски. Общий язык у дочери с мужем тоже карельский, а с детьми — карельский и русский. Бабушка ЛЯ тоже говорит с внуками на двух языках. Внуки в какой-то мере понимают ее карельскую речь, но отвечают ей в основном по-русски. Между собой дети общаются только на русском языке. Следовательно, основные общественно-социальные (речевые) связи между этими пятью членами семьи действуют горизонтально до второго поколения: дочь ЕХ и ее муж говорят между собой по-карельски. По вертикали родной язык передан от первого поколения второму, но уже в третьем поколении он становится пассивным, употребляется детьми только на уровне понимания-рецепции. Поэтому совершенно ясно, что языком общения у возможного будущего четвертого поколения не будет карельский, если не произойдет, например, каких-нибудь больших изменений в статусе карельского языка, что маловероятно.

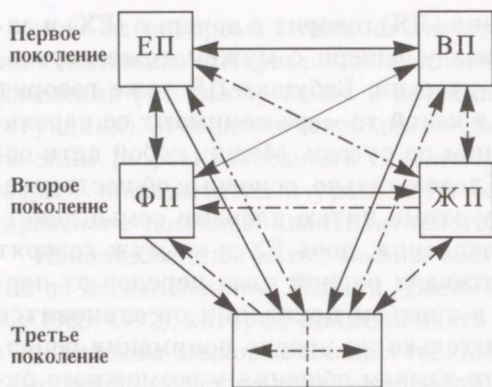
А как действуют связи в национально-смешанных семьях? В Коткозере, как и повсюду в Карелии, население многонациональное. В некоторых семьях один из членов может быть русским, белорусом или украинцем. В следующем примере (см. модель 2) невестка (СТ) — белоруска.

Представительница первого поколения, КТ, говорит по-карельски со своим мужем-карелом (которого, к сожалению, не удалось проинтервьюировать) и с сыном (ВТ), семья которого живет в доме по соседству. Невестка (СТ) родилась в 1975 году в Белоруссии и переехала с родителями в Карелию в дошкольном возрасте. Она является типичным представителем детей переселенцев, оказавшихся в Карелии в 1950—1980-е годы. Информантка СТ уже в детстве усвоила русский и забыла родной белорусский. В школу она, естественно, ходила в Карелии, и это была русскоязычная школа. Ее белорусские родители тоже «обрусели» и перешли на русский язык. Язык общения СТ с мужем и с родителями мужа — русский. Она понимает некоторые слова по-карельски. По мнению свекрови, отношение невестки к карельскому языку положительное: она легко научилась бы говорить по-карельски, если бы с ней в семье говорили только на карельском языке. В третьем поколении употребление карельского языка резко «уменьшилось»: со своей двухлет-

ней дочерью СТ говорит, конечно, только по-русски, а ее муж сообщил, что старается с дочкой говорить и по-карельски... Даже дедушка и бабушка говорят с внучкой по-русски. Но самым решающим фактором в языковом развитии ребенка традиционно считается роль матери: отцовские усилия говорить с дочкой по-карельски вряд ли помогут, и дочь вырастет одноязычной русской. В связях этой семьи доминирует русский язык — из-за инородной невестки.

Модель 2. Выбор языка в семье Б
(—— = по-карельски; - - - - = по-русски).

Модель 3. Выбор языка в семье В
(—— = по-карельски; - - - - = по-русски).

Но есть ли в Коткозере семьи, в которых карельский сохраняется в активном употреблении? Рассмотрим подробнее следующую языковую ситуацию (модель 3).

Бабушка (ЕП) и дедушка (ВП), — карелы, родившиеся в 30-х годах, весьма положительно относятся к карельскому языку. Это видно и по употреблению ими языка: отношение к языку и реальное языковое поведение соответствуют друг другу. Они общаются по-карельски между собой, с детьми и даже со внуками. Они живут вместе с семьей сына и дают внукам прекрасную возможность усвоить карельский как семейно-бытовой. Даже их сын ФП (1964 года рождения) сообщил, что говорит с детьми по-карельски. У представителей третьего поколения предпосылки вырасти билингвами во внутрисемейном общении представляются исключительно хорошими. Есть только одно большое «но»: невестка ЖП (1970 года рождения), тоже карелка, убеждена, что карельский язык рано или поздно исчезнет из активного употребления, потому что он «нигде и никому не нужен». Ее отрицательное отношение проявляется и в выборе языка: она уже давно перешла на русский в общении со своими карельскими родителями и сестрами. Она не говорит на нем и с родителями мужа, хотя хорошо понимает по-карельски. Даже своему мужу, который обращается к ней по-карельски, она отвечает по-русски. При общении с детьми она использует только русский язык, на котором дети общаются и между собой. У мужа отношение к языковому вопросу иное: он убежден, что карельский язык сохранится с помощью активного употребления его дома, особенно если получит поддержку через школьное обучение. Поведение невестки (ЖП) можно объяснить экстралингвистическими факторами, т.е. фоновыми критериями. Это прежде всего уровень образования и, в известной мере, возраст. Молодая невестка — единственный член семьи с высшим университетским образованием. Она продолжает учиться в университете, где, как и на работе в школе, ей нужен исключительно русский язык. Муж и его родители имеют довольно скромное образование, полученное на кратких профессиональных курсах.

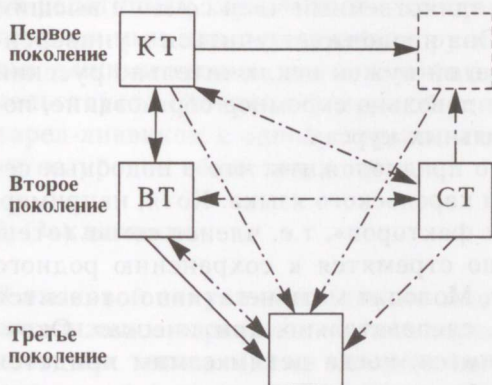
На основе изложенного трудно предположить, что в подобных семьях вырастут будущие носители карельского языка. Хотя, например, в последней семье 75% «фоновых факторов», т.е. членов семьи (отец, дедушка и бабушка), эффективно стремятся к сохранению родного языка, но и это вряд ли поможет. Молодая мать негативно относится к карельскому языку. Ситуация, следовательно, критическая. Окончательно такая ситуация разрешится, когда детям самим придется выбирать свой путь и профиль образования. Расширение социально-общественных связей в направлении внешнего мира меняет их характер: они становятся все слабее (secondary/weak networks).

Представитель первого поколения (ЛЯ) говорит с дочерью (ЕХ) и зятем (ЛХ) по-карельски. Общий язык у дочери с мужем тоже карельский, а с детьми — карельский и русский. Бабушка ЛЯ тоже говорит с внуками на двух языках. Внуки в какой-то мере понимают ее карельскую речь, но отвечают ей в основном по-русски. Между собой дети общаются только на русском языке. Следовательно, основные общественно-социальные (речевые) связи между этими пятью членами семьи действуют горизонтально до второго поколения: дочь ЕХ и ее муж говорят между собой по-карельски. По вертикали родной язык передан от первого поколения второму, но уже в третьем поколении он становится пассивным, употребляется детьми только на уровне понимания-рецепции. Поэтому совершенно ясно, что языком общения у возможного будущего четвертого поколения не будет карельский, если не произойдет, например, каких-нибудь больших изменений в статусе карельского языка, что маловероятно.

А как действуют связи в национально-смешанных семьях? В Коткозере, как и повсюду в Карелии, население многонациональное. В некоторых семьях один из членов может быть русским, белорусом или украинцем. В следующем примере (см. модель 2) невестка (СТ) — белоруска.

Представительница первого поколения, КТ, говорит по-карельски со своим мужем-карелом (которого, к сожалению, не удалось проинтервьюировать) и с сыном (ВТ), семья которого живет в доме по соседству. Невестка (СТ) родилась в 1975 году в Белоруссии и переехала с родителями в Карелию в дошкольном возрасте. Она является типичным представителем детей переселенцев, оказавшихся в Карелии в 1950—1980-е годы. Информантка СТ уже в детстве усвоила русский и забыла родной белорусский. В школу она, естественно, ходила в Карелии, и это была русскоязычная школа. Ее белорусские родители тоже «обрусели» и перешли на русский язык. Язык общения СТ с мужем и с родителями мужа — русский. Она понимает некоторые слова по-карельски. По мнению свекрови, отношение невестки к карельскому языку положительное: она легко научилась бы говорить по-карельски, если бы с ней в семье говорили только на карельском языке. В третьем поколении употребление карельского языка резко «уменьшилось»: со своей двухлет-

ней дочерью СТ говорит, конечно, только по-русски, а ее муж сообщил, что старается с дочкой говорить и по-карельски... Даже дедушка и бабушка говорят с внучкой по-русски. Но самым решающим фактором в языковом развитии ребенка традиционно считается роль матери: отцовские усилия говорить с дочкой по-карельски вряд ли помогут, и дочь вырастет одноязычной русской. В связях этой семьи доминирует русский язык — из-за инородной невестки.

Модель 2. Выбор языка в семье Б
(—— = по-карельски; - - - - = по-русски).

мощью русского языка. Парадоксально, но факт, что образование, полученное на русском языке, в нынешней ситуации ведет к полной языковой и культурной русификации.

Однако несмотря на эти проблемы, действуют и прогрессивные для сохранения языка силы: социально-общественные связи пока еще относительно тесные и в семейном, и в дружеском окружении. Создание единой карельской письменности может оказаться одним из важнейших факторов на пути к признанию и сохранению карельского языка. Но если образование в общем и целом ведет к русификации, то как решить вопрос с карельской письменностью? Не несет ли с собой создание письменности скрытый риск потерять что-то более важное — естественные связи между карелами как средство коммуникации?

ЛИТЕРАТУРА

- К л е м е н т ь е в Е. И. 1994, Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карел, вепсов, финнов). — Финно-угроведение 1, Петрозаводск, 41—60.
- G i l e s, H., S m i t h, P. M. 1979, Accomodation Theory. Optimal Levels of Convergence. — Language and Social Psychology, Oxford (Language in Society 1), 45—65.
- H e l g a n d e r, J. 1996, Exemplet Övre Dalarna och det vidare perspektivet, Falun (Högskolan Dalarna. Rapport 1996 3).
- J a a k o l a, M. 1973, Språkgränsen. En studie i tvåspråkighetens sociologi, Malmö (Aldusserien 408).
- 1984, Siirtolaiselämää. Tutkimus ruotsinsuomalaisista siirtolaisyhteisössä, Vammala.
- M i l r o y, L. 1980, Language and Social Networks, Oxford (Language in Society 2).
- M i l r o y, L., M i l r o y, J. 1985, Linguistic Change, Social Network and Speaker Innovation. — Journal of Linguistics 21, 339—384.
- 1992, Social Network and Social Class. Toward an Integrated Sociolinguistic Model. — Language in Society 21, 1—26.
- P y ö l i, R. 1996, Venäläistyvä aunuksenkarjala. Kielenuulkoiset ja -sisäiset indikaattorit kielenvaihtotilanteessa, Joensuu (University of Joensuu Publications in the Humanities).

RAIJA PYÖLI (Joensuu)

SPRACHWAHL UND SOZIALGESELLSCHAFTLICHE VERBINDUNGEN IN EINEM ZWEISPRACHIGEN KARELISCHEN DORF

Im Artikel werden die Gründen für die Benutzung der karelischen Sprache in der Konversation zwischen den verschiedenen Generationen, im Kreise der Familie, unter Freunden, mit Nachbarn, im Arbeitsumfeld und der Freizeitgestaltung (im Dorfchor) von Kotkozero erläutert.